

ЛЮБОВНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Марина Туровская

Серый ангел

Марина Туровская

Серый ангел

«ЭКСМО»

2007

Туровская М.

Серый ангел / М. Туровская — «Эксмо», 2007

Желание разбогатеть и одновременно вызвать восхищение у любимого мужчины толкнуло Машу на весьма рискованное мероприятие – поездку за ценным поделочным материалом в места небезопасные. Угроза подстерегала вояжеров нешуточная, так как их маршрут пролегал вдоль аномальной зоны, в которой располагался центр по изучению воздействия радиации. Опасность для Маши и ее спутников возросла после того, как они согласились подбросить до Москвы девушку, больше похожую на ангела или эльфа, обладающую необыкновенными способностями. Как оказалось, Анна – беглянка из лаборатории, жертва бесчеловечных научных экспериментов. Победит ли в Маше сочувствие к попутчице? Или ревность, вспыхнувшая в ее сердце, погубит невольную соперницу?..

© Туровская М., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Туровская Марина

Серый ангел

Каждый день мы изменяем Природу, и каждый миг она изменяет нас.

Глава 1

Поминая сквозь зубы любимую маму и нелюбимого папу, я из последних сил тащила за собой две сумки на колесиках. Жадность – одно из самых сильных чувств, и я нагрузилась килограммов на тридцать. Кирилл волок в полтора раза больше, и его тяжелое дыхание подталкивало меня в спину. Каждый звук отдавался гулким эхом в пластах прохладного утреннего тумана.

Длинная невысокая сопка отделяла нас от отдыха. Забравшись наверх, мы легли на землю и, всматриваясь сквозь завесу тумана в серые палатки и черный джип внизу, прислушались.

Белесые сумерки, которые в августе здесь заменяют ночь, заканчивались. Лесотундра просыпалась. Застрекотали кузнечики, звонкой многоголосой волной запели птицы. Справа от нашего лагеря лениво затыкал облезлый и по случаю лета сытый лис. Из лесочка справа вышел на опушку кабанчик с уже исчезающими полосами, с небольшими клычками, принялся. Хрюканье рассердившейся непослушанию мамыши из пролеска заставило его вернуться. Значит, все спокойно.

Но я не спешила. Не потому, что чего-то боялась, нет. Сейчас, в этот момент, лежа животом на мягком серебристом мхе в невысоком кустарнике с темно-зеленой и золотисто-бордовой листвой, смазанной разбавленным туманом, я с удивлением поняла, что авантюрная затея, придуманная два месяца назад, наполовину осуществлена.

Я с удовольствием вдохнула необыкновенно чистый воздух отсутствия цивилизации. Пахло незнакомыми травами, влажной землей, терпкими ягодами и прелыми листьями. Я постаралась навсегда запомнить густой запах лесотундры и встала.

– Кирилл, спускаемся.

Сумки, скрипя колесиками от возбуждения, рвались из рук, стремясь первыми докатиться до прогоревшего костра.

Я материлась в полный голос, Кирилл ругался громче меня. Мы мчались вниз.

Из палатки вылез сонный Толик, мой невозмутимый квадратный братец. Равнодушно оценив наш сумасшедший пробег с сопки по бездорожью, он лениво потянулся, после чего сгреб приготовленные на земле ветки и развел костер, держась за больную поясницу. Я и мой брат отличаемся «земной» комплекцией. Нам слегка не повезло с ростом и внешними данными, зато мышечной массы на двоих столько, что хоть торгуй вразвес.

Вчера Толик себя переоценил. Увидев овраг, где размытая земля оголила многотонные залежи с вожделенной добычей, он потерял голову и загрузился «под завязку». И Кирилла подбивал взять еще хотя бы десять-пятнадцать килограммов, но «вольный художник» на провокацию не поддавался. И правильно сделал. За ужином Толик слишком резко потянулся за самым толстым куском мяса и заорал голосом заполошной тетки, которой на ногу упала любимая хрустальная вазочка.

– Едрицкая сила! Ой, мамочка, ну надо же! Машка, помоги!

Мой двадцатипятилетний брат отличается потрясающим здоровьем и, увидев его в некультипистой позе, боком лежащим на спортивном коврике и держащимся за поясницу, я... рассмеялась. Поначалу решила, что Толик пошутил. Но Толик продолжал орать.

Первым очухался Кирилл. Он бросился не к брату, а к машине и достал аптечку.

– У него прострел, Маша. У моей мамы такое часто бывает. Помоги.

По знаку Кирилла я подложила под Толика еще два туристских коврика, и брат полностью распластался на животе. Мы втерли ему в поясницу половину тюбика обезболивающего геля, навалили сверху теплых вещей, поили таблетками и разбавленной водкой.

В результате во второй поход пришлось отправляться мне, а Толя остался «при кухне», с шерстяным платком на пояснице.

Затащив неподъемные сумки в палатки, мы переоделись из маскировочных комбинезонов в яркие футболки и шорты и завалились на подстилки у костра. Я тайком провела ладонью по своему животу. За время нашей тайной командировки я скинула килограмма три, не меньше. Конечно, другим этого не видно, восемьдесят семь минус три – почти незаметно, но я-то знала, что процесс пошел.

У меня типичный комплекс девушки в тридцать лет – я полнею. При сидячем образе жизни, а работаю я бухгалтером, у меня страстная любовь к еде.

Иногда мне удается просидеть на диете дня два-три. Но потом я ловлю себя на том, что глубоким вечером, практически ночью, я, уложив спать своего сынулю, сижу перед телевизором и заедаю вечерние новости застоявшейся в холодильнике вермишелью по-флотски, бутербродом с колбаской или чипсами. И, что самое страшное, не могу остановиться, пока не наемся от пуза. Потом переживаю и ругаю себя... но на сытый желудок.

Не нервничаю – много ем, нервничаю – ем в два раза больше.

Невыразимое по красоте алое солнце вставало над волнистым горизонтом бесконечной тундры.

В особые минуты выбора, опасности, отчаяния или выигрыша во мне просыпаются три внутренних голоса. У большинства нормальных людей внутренний голос один, и называют его интуицией. Бывает, что голосов два, и, если они между собой не договариваются, случается раздвоение личности. Мне «повезло» уникально, внутренних голосов целых три штуки, но они настолько разные, что практически не мешают друг другу, тем более что голос номер один, солнечно-оранжевого цвета, всегда может надавить на остальные два своей рассудительностью и здоровым отношением к жизни.

Сейчас оранжевый голос молча подсчитывал возможную выгоду, минусуя транспортные расходы и вычисленный процент на непредвиденные траты.

Второй мой голос – сентиментально голубоватый, эдакий эмоциональный мазохист и классический гуманист. Сейчас «голубенький» наслаждался красотой места и необычностью ситуации. Голос ненавязчиво рекомендовал перестать комплексовать, наконец-то схватить Кирилла за руку и увести за соседнюю сопку, прихватив одеяло, чтобы местная жесткая флора не впивалась нам по очереди в спины.

Третий голос, зевая, нудно настаивал – наесться до отвала, крепко выпить и залечь спать. Болотно-зеленый, требующий спокойствия и сытости, его можно было бы обозвать трусливой ленью, если б иногда он не вынуждал меня весьма агрессивно ругаться. Сейчас вот он гундел насчет Кирилла: губы не раскатывать, не подходящий, видите ли, момент.

Всепоглощающе вкусный запах шашлыка вызвал сильнейшее чувство голода и на время заткнул все мои внутренние голоса. Все-таки приготовление еды на свежем воздухе – особый вид кулинарии. Да и сам живой воздух – с запахами земли, осенних листьев, поздней сухой травы, и костер с тлеющими углями и добавленными для аромата еловыми ветками – ее ни с

чем не сравнимые составляющие. Уже невысокий огонь дожаривает на шампурах нежнейшее слегка замаринованное мясо и щиплет решетку-барбекю, на которой горячо благоухают крупно нарезанные баклажаны, помидоры, лук, лимон и желтый болгарский перец.

Это ощущение одиночества в безграничном безлюдном пространстве Земли, ощущение конца лета и костра с вкусной пищей после тяжелой физической работы бесполезно с чем-нибудь сравнивать.

Толик разложил по мискам шашлык. Кирилл с хрустом вскрыл трехлитровый пакет вина и разлил в два стакана густую красную прохладную «Изабеллу».

Я надкусила сочный теплый кусок мяса.

– Какой же кайф, мальчики, я почти счастлива.

Кирилл не отрываясь выпил половину стакана.

– И чего тебе не хватает, Манюня?

– Денег, мой дорогой, денег.

Кирилл неспешно наполнил еще один стакан и протянул мне. Каждый его жест необычайно красив. Длинные худые пальцы, смуглая гладкая кожа рук под белой футболкой. Смотрела бы и смотрела...

– Мань, очнись, вино будешь?

Голос номер три завопил, зеленея от нетерпения: «Мне пол-литра! А лучше литр!»

Я представила, что со мной будет после выпитого вина... Не смогу себя сдерживать и буду сопливо признаваться Кириллу в любви, а он, стыдясь своего равнодушия, станет гладить меня по спине и оправдываться, почему с его стороны никаких чувств ко мне у него нет и быть не может... Мое нежное самолюбие этого не вынесет... А я, обидевшись, запросто могу и в глаз дать.

– Нет, Кирилл, я буду очень крепкий чай. И пора ехать, еда и время на исходе.

Мой черный джип «Мерседес» модели «табуретка» спокойно наворачивал километры, пренебрегая неровностями треснувшего от старости асфальта. Глаза слипались, но я, пощипывая себя за ногу, крепилась. Оранжевый голос внушал, что расслабляться еще рано.

Толик, зевая во весь рот, демонстрировал идеальные зубы и часто заглядывал в бардачок, где перекачивалась дежурная бутылка пива. Я держала ее для страховки, чтобы в нужный момент отдать брату. Гаишников в этих местах, мягко говоря, мало, и на водителя, не пьющего за рулем, местное население смотрит с сочувствием, подозревая у мужика какие-то проблемы.

А на заднем сиденье дремал Кирилл. Иногда он прикладывался к банке энергетика и опять задремывал. Я смотрела на него в зеркало заднего вида и млела от счастья, как троечница-семиклассница при виде «на всю жизнь» любимого экранно-киношного-телевизионно-эстрадного кумира.

В поселке с домами из бетонных облезлых плит нам пришлось остановиться. У магазина, советского архитектурного наследия, один в один похожего на магазины в Подмоскovie, под Мурманском или в Саратовской области, толпилось с десятков мужчин. Отдельная компания, плотно обнявшись, стояла посреди дороги. Мы тормознули впритык.

И что теперь делать? Ругаться и ехать напролом? Могут возникнуть реальные сложности. Здесь края нефтяников, и они не только чувствуют себя хозяевами, но и являются ими. Не понравимся – натравят на нас гаишников или, что гораздо хуже, собственную службу безопасности, и те, с наслаждением доказывая себе и нам свою силу и безнаказанность, отберут нашу родную «добычу».

Меньше всего подозрительны люди простые, без лишнего умствования. А что может быть проще немного выпившего человека? Только очень сильно выпивший. Наша компания «косила» под простакон, и дабы создать благоприятное впечатление, я протянула Толяну

бутылку пива, и он выдул его в один неостанавливаемый момент. Благодарственное «спасибо» смазала «чувственная» отрыжка.

Открыв дверцу, Толян вышел из джипа. Он произвел на нефтяников сильное впечатление. При росте в метр семьдесят два он весит «всего-то» девяносто шесть килограммов. Я знаю это точно – Толик через день взвешивается в «качалке», где тратит на тренировках наши семейные деньги.

– Мужики, пиво в магазине есть?

Из пяти крепко обнявшихся мужчин двое очень трезво взглянули в нашу сторону. Мой болотный голос за номером три тут же заторопился: «Маня, не делай из себя дуру, нас рассматривают с больш-и-им подозрением!» И тут же прозвучал вопрос.

– А чего это вы туда-сюда по нашей дороге... катаетесь?

Вопрос задал мужчина, который стоял на ногах исключительно благодаря некрепкой поддержке собутыльников.

– А мы на пикник ездили. – Я решительно выпрыгнула на старый асфальт. – Такая погода чудная! Мои мужики ночью всю водку выхлестали и теперь с похмелья чумеют. Предлагаю им минеральной водой лечиться, а они...

– А они не конченные идиоты, пива хотят, – заржал тот же дядька и чуть не упал.

От плотно стоящих работяг отлепился один из «трезвых», особо подозрительный и в самой грязной спецовке.

– Какой пикник, голуба? Здесь же, кроме нефтяных вышек, ничего не наблюдается. При нашей гребаной экологии деревья десять лет назад загнулись. Мужики, надо их машину обшмонать, или пусть калым за проезд платят, лохов по жизни надо учить.

Слава богу, желающего «обшмонать» мою собственность не нашлось. Мужики обступили машину, рассматривали фары и колеса, заглядывали в салон. Начались обычные нетрезвые автомобильные комментарии.

– Глянь, салон из натуральной кожи... Запаски аж две штуки взяли... Недешевая машинка...

– На «Мерседесе» и с сисястой девкой, да с водкой я бы тоже съездил шашлыков пожрать, – заявил один из еле стоящих на ногах работяг.

Толик повернулся к компании мужчин, нахмурил брови и напрягся.

– Раскрой глаза, мужик. Это моя родная сестра, ты ее в грязи не мажь.

Ситуация получалась двойственная, и я решила сгладить напряжение, переключив мужское внимание на любимое времяпрепровождение в выходные дни, то есть на выпивку.

Я повысила голос.

– Ну, есть это чертово пиво в магазине? Кирилл, просыпайся!

Кирилл мужчин не впечатлил. Два метра роста при восьмидесяти килограммах выглядят не очень впечатляюще, но лично у меня такая комплекция вызывает восхищение.

Демонстративно взяв из рук Толика бутылку пива, я посмотрела на Кирилла, кивнув на сумку, где стояли пакеты с вином. Кирилл понял правильно.

– Подожди, Машуня, нас в машине, – зевнул Кирилл. – Мужики, сейчас помру, налейте соточку.

Мужчины сочувственно загудели. Кирилл вынул из кармана приготовленный стакан. Толян погрозил другу пальцем и пошел в магазин. Кирилл, давясь, пил халявную паленую водку.

Через двадцать минут мы с новой партией пива ехали в сторону города. Пиво здесь продавалось местное, недорогое, и это смиряло мою экономную натуру с произведенной тратой.

Я рассуждала вслух, предполагая, что, конечно же, нарочно нас у магазина не ждали, но у каждой нефтяной компании есть собственная служба безопасности, и мы, второй раз за

неделю проезжая по местам, где даже рождение нового щенка является событием, вызвали нездоровый интерес.

И мы никакого преступления не сделали, везем товар, на фиг не нужный нефтяникам, но попробуй объясни им то, что им непонятно. Непонятное подозрительно.

Ребята слушали молча. Мой монолог прервал телефонный звонок. Мы все вздрогнули. Последние четверо суток наши сотовые молчали, не воспринимая сигналов, летающих в пространстве. Здесь не было сотовой невыгодной для всех фирм связи, только местная или спутниковая. Я включила трубку.

– Алло, ш-ш-ш, Манька, ш-ш-ш?

Сквозь сплошное «ш-ш-ш» определить голос вопрошающего было невозможно.

– Алло, кто это?

– Ш-ш-ш... твою мать...

– А-а! Здравствуйте, дядя Боря! – Родной голос, неожиданно прозвучавший среди бескрайнего пространства, был особенно приятен. – Спасибо за привет от мамы. У вас все нормально?

– Хорошо! Ш-ш-ш... спутниковый... ш-ш-ш... Толику.

– Спасибо! А как мой сыночек Данила?

– Хорошо! Ш-ш-ш... балуется. – И тут что-то переключилось в телефоне, и мне в ухо заорал голос отчима: – Как меня слышно?

– Отлично!

В эту же секунду связь оборвалась.

Толик скосил глаза в мою сторону:

– Что там?

– У них все хорошо, тебе от дяди Бори и мамы огромный привет. Мой отчим купил новую игрушку, спутниковый телефон. Твой племянник Данила балуется. У них все отлично.

Толик сказал: «Угу, спасибо». Я не стала перезванивать, зная, что за столько километров от родного дома слышимость все равно будет отвратительной, а с моего телефона снимут последние деньги. И хотя многие хорошие знакомые зовут меня «жмотина», с ударением на букву «и», я с ними не согласна. Я экономная, в маму. У нас другого выхода не было, как стать такими.

В детстве мама считала не то что каждый рубль, а каждую копейку. Папа пил, я донашивала одежду за детьми наших родственников и знакомых. Легче стало после того, как папа, обидевшись на нравоучения жены, решил навестить в деревне свою маму, о которой вспоминал раз в год, на свой день рождения, ожидая подарка.

В деревне он, как всегда, вошел в месячный запой вместе со своей «первой большой любовью на всю жизнь». После полнейшего, в ноль, пропоя он вернулся в нашу квартиру и подчистил шкатулку со сбережениями.

Мама решила в милицию заявление не писать, позвонила свекрови, и бабушка с прискорбием сообщила, что мой папочка ушел от мамочки, так сказать, «на свободу», то есть пить. Его новая-старая подружка глубоко забеременела, и папа подал на развод. Мама неделю погоревала над пропавшими деньгами и тремя золотыми колечками, но радость предстоящего развода перевесила исчезновение скромного бабушкиного наследства.

Мне было пять лет, но я до сих пор помню постоянный запах перегара в квартире, который выветривался два месяца.

Папина собутыльница родила моего сводного брата Толю, как ни странно, абсолютно здоровым, и бог смилостивился, больше она рожать не могла.

Наш с Толиком папашка почти двадцать лет тому назад умер по пьяни. Печень не выдержала очередного запоя паленой водкой. Толикина мама «поминала» мужа два года, и ее ангел-хранитель сжалился над нею, «прибрав» в лучший мир.

Бабушка смогла выдержать воспитание «рбдного внучка» полтора года. Ни денег, ни сил у нее не оставалось, и она, сбавив Толика на два дня соседке, приехала в Осташков. Увидев маму, она сложила руки и запричитала:

– Катя, я больше не могу! Катя, я родила в сорок лет и забаловала парня, а он тебе жизнь испортил. Но Толик-то не виноват! – Не находя на лице бывшей невестки немедленного понимания, бабушка резко сменила тон: – Я на Толика и Машку отпишу дом в равных долях. Ты помнишь, дом двухэтажный.

Маме бывший дом в деревне очень нравился. Единственный недостаток – он находился аж в Мордовии, под Саранском. Мама туда поехала после института по распределению экономического института руководить сельмагом. Тогда-то она и «сорвалась» на папе.

Бывшая свекровь стояла в коридоре, напротив нее, сцепив руки. Насколько помнила мама, свекровь не уйдет, не добившись своего.

– В чем дело? Подробнее.

– Возьми к себе Толика, в деревне он пропадет.

Маму шатнуло к дверному косяку, и теперь она прижала руки к груди.

– То есть как?

– Он же брат Машеньке. Пожалей, Катя. Ребенок остался без родителей.

– Не я мужу наливала, – попыталась воспротивиться напору мама, но бабушка ее не слушала.

– Вот тут у меня болит, – бабушка посерьезнела и протянула маме больничную выписку. – Болезнь у меня, Катя, страшная, осталось немного. Вот, читай, годочек-другой остался. А Толика придется сдавать в детский дом. Забери его, Катя.

Бабушка сдерживала слезы. За всю жизнь не привыкшей просить, ей пришлось три дня настраиваться для разговора.

И мама взяла Толика к нам. Не знаю, сколько раз она пожалела об этом. Ни я, ни Толик ни разу не слышали от нее жалоб. А Толик стал звать маму мамой ровно в ту минуту, когда бабушка ввела его в нашу квартиру. Бабушка, пока везла его из деревни к нам, в Осташков, так и говорила: «Мы едем к маме и сестре». Маленький Толик поверил.

Деревня, из которой его вывезла бабушка, вздохнула с облегчением, особенно утки, которых он купал в пруду без их на то воли, и соседские девочки, которым он на подоконник, а если рука не дрогнет, то и на кровать, подкидывал лягушек.

В школе я была «ботаном» и отличницей, а брат хулиганил. В редкие дни его появления в школе преподаватели затыкали носы от тяжелого духа чуть подпорченной рыбы, которую они с друзьями круглосуточно ловили на Селигере, а затем коптили в железных бочках.

Мама не ходила на родительские собрания в его класс, заранее зная все претензии к ее «чаду». На Толикины прогулы в школе мама смотрела сквозь пальцы, главное – Толик приносил домой рыбу. Жили мы тогда скудно, и мелкие браконьерские сделки брата сильно помогали семейному бюджету.

Наш участковый, Игорь Иванович, перестал проводить беседы с Толиком где-то классе в шестом, только отзванивался маме, сообщая об очередной «шалости».

Когда Толик учился по второму разу в седьмом классе, в смутные девяностые, в магазин к маме пришел новый бухгалтер, математик, бывший изобретатель, Борис Иванович. Мама приглядывалась к нему два месяца, а затем женила на себе. Отчим и стал нашим настоящим отцом.

Девять классов за Толика закончила я. Братец к этому времени увлекся бодибилдингом, проводил время в «качалке», но никогда не отказывался подработать.

Я торговой хваткой пошла в маму. Она всю жизнь заведовала бакалейным отделом, а сейчас директор крупного магазина. Отчим в магазине старательно исполнял обязанности бухгалтера, но без огонька. Когда положение в стране стабилизировалось, он вернулся в институт и продолжил изобретать что-то сельскохозяйственное. А четыре года назад начался фейерверк его успеха. Отчим получал одну за другой весьма приличные премии. Мама вложила деньги в покупку большой квартиры в Твери и в собственный магазин. Но привычка все по десять раз пересчитывать и экономить у мамы осталась. Я в нее.

Мама так разволновалась, когда узнала, что мы едем за Урал, как будто впервые отпускала меня одну в школу, до которой придется переходить две дороги и обе без светофора. Отчим, наоборот, благословил. Ему нравятся все мои начинания, он почему-то верит в мою разумность. Я отчима тоже люблю. Бескорыстно. Хотя, когда он одолжил мне денег на мою «табуретку», а через полгода отказался взять деньги, я полюбила его еще больше.

Единственное, что смирило маму с нашим походом, это временный переезд к ней Данилы. За время нашей «командировки» она затаскает беднягу по музеям и театрам и, не дай бог, осуществит свою мечту и запишет пацана в балетную школу. У меня такой красивый сын, что нечего ему делать среди балерунов, знаем мы их специфику.

Пейзаж за окном постепенно менялся. Все чаще появлялись пролески, деревья становились выше, солнце припекало сильнее. Ветер теплым феном поднимал мои короткие волосы.

Толя протянул назад руку, и «гуманист» Кирилл хотел было вложить в нее открытую бутылку... но тут на дорогу из низкорослого пролеска справа выскочили двое мужчин.

Толя резко затормозил, и Кирилл воткнулся головой в переднее сиденье. Пиво пенящейся струей «спроектировало» на затылок Толика.

Мужчины на дороге старательно улыбались, демонстрируя дружелюбие. На нефтяников они не походили ни лицами, ни одеждой. Интересно, где они в этой глуши покупают такие хорошие летние костюмы из хлопка? В окно автомобиля потянуло дорогим парфюмом.

– Ребята, выручайте, – вальяжно заговорил мужчина постарше. – Мы на пикник выехали, а машина, черт бы ее побрал, ведро с гвоздями, обратно ехать отказывается. Нам-то по фигу, мы в отпуске, а вот сестре моей срочно нужно в город. Подвезите, пожалуйста.

Мужчине было в районе сорока, и выглядел он как-то... слишком лощеным, особенно для данной местности. Помимо дорогого светлого костюма и парфюма, обращал на себя внимание ровный, нездешний загар, типичный для солярия, но не для лесотундры. Солнцезащитные очки, висящие на вороте шелковой футболки, тянули на двести евро. И просил этот мужчина как бы понарошку, чувствовалось, что ему последние лет двадцать не приходилось никого ни о чем просить.

Второй был моложе и проще лицом. Но и он не производил впечатления «наивного селянина». Взгляд строгий, костюм с иголочки, ботинки дорожные.

Старший из них говорил быстро, предупреждая возможный отказ с нашей стороны. Толик флегматично ждал результатов переговоров, Кирилл оглядывал окрестности.

– Телефоны в этой местности не берут, машины почти не ездят. Да и страшно сестру с работягами отправлять. А вы вот с дамой, с такой милой девушкой. – Махнув в сторону лесочка, мужчина властно позвал: – Аня! Сестренка! Иди сюда!

Последние фразы он говорил, глядя прямо мне в глаза, правильно вычислив, кто будет принимать решение.

В редком пролеске маскировался военный «газик». Ну точно! Они же военные, только в штатском. Подтянутые, подкачанные, коротко стриженные.

Первым внутри меня очнулся интуитивный голубенький голос: «Ах, Маша, необходимо помочь людям. Смотри какие они интеллигентные, дружелюбные, симпатичные». Тут встрял невозмутимый оранжевый голос: «С какой такой радости мы должны проявлять гуманизм у черта на куличках к незнакомым людям, и, не дай бог, бесплатно? Ни фига подобного!» Третий голос лениво забормотал: «Правильно, правильно, валить отсюда надо».

Я приготовила фальшиво-милую отказную улыбку, но тут Кирилл, глядя в пролесок, сказал: «Боттичелли, „Афродита“. У Толика просто отвисла челюсть.

Из-за деревьев вышла девушка, вернее молодая женщина... Средний рост, русые золотистые волосы в двух косах, правильное лицо и удивительно спокойный взгляд. Легкий ветер оживил белое крепдешинное платье в красный горох и выбившиеся локоны-завитушки надо лбом.

Военный продолжал частить, уговаривая:

– К нефтяникам сажать ее боюсь. Тронуть не тронут, но гадостей наговорят обязательно. А она, то есть Аня, девушка нежная, впечатлительная.

Кроме меня, никто не заметил выражения лица Анны. А она была приятно и искренне удивлена характеристикой «брата». Хотя какой же он родной брат ей, блондинке с курносом носом и бело-сметанной кожей, если у него темные волосы, нос римский прямой, а кожа смуглая.

Болотно-брюзжащий голос номер три икнул, спеша предупредить: «Маняня, ну ее на фиг, благотворительность на дорогах. И вообще, разуй глаза, черт бы с тем, что эта девушка, возможно, с каким-нибудь прибабахом, но она же красивая! И глянь, как на нее смотрит Кирилл. Поехали быстрее в город, очень уж кушать хочется». Оранжево засигналил первый голос: «Вот именно – кушать. Бесплатно никто не накормит, опять деньги придется тратить. А может, за девушку заплатят прилично? Лишний рубль карман не тянет!»

Не знаю с чего бы, но мой обычно молчаливый брат решил принять участие в разговоре.

– Отлично вас понимаю, ребята, у меня, видите, своя сестра. Она не такая нежная и даже может постоять за себя... Но все равно я часто за нее волнуюсь.

Нет, уже ни в какие ворота не лезло. Чтобы братец делился своими эмоциями с незнакомыми людьми на пустой трассе, на краю света?... Странно.

Я вышла из машины и подняла правую руку, останавливая ненужный треп. Военные смотрели на меня настороженно. «Сестренка», в отличие от них, совсем не волновалась и доверчиво улыбалась. Я задала конкретно-ясный вопрос:

– Сколько заплатите?

– А вы, собственно, куда едете? – в словах загорелого мужчины появился живой интерес.

– В Осташков.

Мужчины переглянулись.

– Это где же? До Урала или позже?

– Это на озере Селигер, Тверская область. Триста километров от Москвы, три тысячи отсюда. Подходит?

Второй парень, кашлянув, уточнил:

– Вы на машине до конца или на поезд пересядете?

– На машине, до конца. – Я улыбнулась. – Устраивает?

Молодой мужчина откровенно обрадовался.

– Ха! Вот это да! Вот это повезло! А за проезд сколько возьмете? Только не до Осташкова, а до Москвы. У сестрицы там родственники, а вам все равно по дороге.

Пришлось задуматься. В машине мирно лежал груз тысяч на сто евро, и лишний свидетель вроде бы ни к чему, но голубой голос ласково напомнил, что, как показывает жизненный

опыт, чем больше в машине женщин, тем короче разговор с гаишниками. Моя команда продолжала смотреть на меня, ожидая решения.

Я знала: что бы я ни выбрала, мне через день это поставят в упрек. А плачу за все я. Ладно, назову сумму, поторгуюсь.

– До Москвы тысяча евро, – сказала я навскидку.

Удивились все. И я тоже.

Мужчины и девушка обменялись взглядами. Показали бы эти взгляды в космическом боевике, зритель бы не сомневался, что идет телепатический сеанс. Старший в их компании отодвинул полу пиджака, и под ним стала видна светлая кобура с темнеющим пистолетом. Толя и Кирилл даже не шелохнулись, доверяя взрослому парню. А тот достал довольно плотную пачку денег из кармана светлых брюк и отсчитал от нее двадцать купюр по пятьдесят евро.

– Вот. Ровно штука.

В эту минуту я почти с любовью посмотрела на Анну. Оранжевый голос победно пульсировал: «Вот она, наша бесплатная цистерна с бензином! И четыре литра лучшего масла для двигателя!»

Понимая, как все напряжены, мужчина стоял на месте, ни к кому не подходя.

– Толик, возьми деньги. – Я повернулась к девушке. – Анна, идите сюда.

Девушка послушно подошла. Ну до чего же она чистенькая, молоденькая, красивенькая, интеллигентненькая... Я на ее фоне выглядела дояркой перед барыней. Не люблю таких!.. Завидую.

Обойдя машину, я открыла багажник и расстегнула «молнии» на сумках с вещами.

– Тебе, Аня, придется переодеться, не надо выделяться на нашем фоне. Кирилл, дашь ей свои шорты, в моих она утонет, а футболку возьмет мою. Но волосы... Волосы, Аня, лучше переплести в одну косу и вот так вот, – я показала на себе, – завернуть на затылке.

Военный быстро сбегал к машине и вернулся с дорожной сумкой, которую поставил перед Анной. Какой взгляд он кинул снизу вверх на нее! Ничего похабного, только искренняя обеспокоенность за судьбу и... еще что-то очень, очень хорошее.

Болотный голос вяло зевнул и подытожил: «А на тебя так никто никогда не смотрел, блин».

Толик не считая взял у военного деньги и вернулся к машине.

Анна послушно стянула с себя платье, отдала его загорелому мужчине и стояла в трусиках и бюстгальтере девственного фасончика восьмидесятых годов прошлого века. Кирилл подал ей одежду.

Через пять минут Анна стояла, переодетая в зеленые шорты и розовую майку, завязывала сзади переплетенную косу. Красота ее не исчезла, но поблекла. Обаяние осталось.

Двое мужчин со стороны Анны и двое с моей молча глядели друг на друга.

– Пора ехать, – оборвала я их взаимный гипноз. – В Москве мы должны быть через трое суток, делая по тысяче километров в день. Сутки оставляю на форс-мажорные обстоятельства.

Анна благодарно поцеловала мужчин.

– Пока, Геночка, пока, Сашка.

Старший, которого Анна назвала Геночкой, осторожно взял меня за локоть.

– Я... Мы тебе все будем по гроб жизни обязаны... за...

– Поняла, не объясняй.

Саша протянул руку.

– Спасибо.

Я пожалала протянутую руку. Блин, я, кажется, сделала хорошее дело. Особенно радостно, что за деньги.

* * *

Черный «Мерседес» отъехал, и двое мужчин, стоя под солнцем на дороге, долго смотрели вслед автомобилю. Геннадий надел темные очки.

– С богом. Пойдем, Саня.

Мужчины вошли в пролесок. Спокойно шумевшие деревья неожиданно низко согнулись от резкого ветра и, разогнувшись, сбросили серпантин разноцветных листьев, на пружинящий под ногами мох.

Военный «газик» стоял на полянке, под колесами выступила черная вода. Саша сел на место водителя, Геннадий рядом.

– Интересная у этих ребят атаманша. Я почему-то ей поверил.

– Главное, что ей поверила Анна. – Саша облегченно вздохнул.

Чтобы обеспечить побег Анны, он позавчера отправлял в Город своего заместителя за продуктами и медикаментами. Проработав неделю без выходных, практически не видя жену, он от радости предстоящего сегодня свидания, а также побега Анны, забыл проконтролировать перенос продуктов из вездехода.

В военном поселке Топь отношения между старшим и младшим офицерским составом смело можно было называть демократичными, а часто и дружескими. Оторванность от крупных населенных пунктов и специфика рода войск создавали особую атмосферу в коллективе. Взять из «ничейной» коробки бутылку или батон колбасы преступлением не считалось, просто нужно было предупредить хозяина и при случае отдать «занятое».

– Что случилось? – Гена закурил. – Говори быстрее, не томи.

– Не хотел тебя расстраивать, но в заготовленных продуктах я не досчитался трех бутылок водки и двух батонов колбасы. Наше алиби может выглядеть не так убедительно, как мы рассчитывали.

Гена оставался спокойным, курил в открытое окно.

– А медикаменты?

– С медикаментами полный ажур. Вошел домой и сразу протянул пакет жене, поручил сохранить, и Ариной их положила... в наш холодильник. Понимаешь, она меня неделю не видела, ну и... накинулась. О продуктах я в тот момент напрочь забыл.

Геннадий понимающе улыбнулся.

– И где ты их оставил на ночь?

– В вездеходе.

– Тогда понятно, подумали, что продукты для столовой, и они расплатятся.

Александр смущенно кашлянул.

– Я понимаю, Гена, продукты нужно возобновить в прежнем составе. Давай не в Город, давай в поселок нефтяников заедем. Там водка всегда есть.

Геннадий достал из кармана портмоне из кожи анаконды, пальцем провел по ряду купюр.

– Там колбаса хреновая, а до Города далековато.

Александр завел машину и стал аккуратно выруливать между низкорослых деревьев.

– Сегодня удачный день, и колбаса даже там должна быть приличная. Мы же все утро, с восьми до двенадцати, на дороге простояли, ждали чуда. И, заметь, дождались. Везуха, по теории вероятностей, держится сутки, то есть в нашем случае продлится часов до одиннадцати вечера, а там – отбой.

Геннадий снял темные очки.

– Ладно, поехали в поселок. За час обернемся.

В Зоне Топь стоял кипиш. Сержанты бегали, офицеры «делали суету» и смотрели друг на друга ошалевшими глазами.

У въехавшей на территорию поселка машины Гены и Александра возник Эдик Сурков, нервничая, он докладывал.

– Вы представляете, она пошла мыться в общий душ. У нас же котельную реконструируют, и ей в доме воду выключили. Анна заперлась, мля, одна в помывочном блоке. Через два часа дежурный заглянул в душ, а там – ёперный театр! – никого. Когда генералу доложили, он чуть ли приказ о моем разжаловании не отдал. А Галина-то, Галина, орала больше всех.

Начальник хозяйственного отдела, Яков Котелевич, издали наблюдал за друзьями. Александр, успокаивая, показал ему большой палец – «отличный результат проведенной операции».

Гена, стараясь не улыбаться слишком откровенно и счастливо, отправился на разборку к генерал-лейтенанту, которого в Зоне за глаза звали по имени – Аристархом.

Семидесятилетний Аристарх в полевом комбинезоне, надетом на солдатскую майку, сидел за рабочим столом. Настроение мрачное. Идеальный канцелярский порядок нарушало блюдо с нарезанными фруктами и три серебряные стопки около бутылки французского коньяка.

За рядом стоящим совещательным столом разбирал бумаги излишне идеальный, как компьютерный герой, Лёнчик.

Войдя в кабинет, Геннадий подошел к столу. На Лёнчика старался не смотреть, чтобы не портить себе настроение. Ведь именно он, полковник медицины, Геннадий Лебедев, стал тем самым профессором Преображенским, который сделал из дворового приличного пса Шарика потенциального «смершевца» Шарикова.

Лёнчик, помимо тяжелого характера, мании величия и равнодушной жестокости, обладал еще двумя качествами, усиливающими его темные стороны, – прекрасными внешними данными и уникальным здоровьем. Его кровь со временем стала лечебной, и генерал Аристарх нуждался в ней.

Генерал разлил коньяк, приглашающим жестом показал на стопки. Первым подскочил Лёнчик, опрокинул в себя коньяк, поблагодарил.

Гена, смакуя, сделал первый глоток ароматного напитка тридцатилетней выдержки.

Аристарх выпил коньяк как вкусный сок, выдохнул.

– Ну что, просрали Аньку?

– Никуда не денется, найдем, или сама прибежит, – со злостью выпалил Лёнчик.

– Мое мнение вы знаете, мы не имели права ее здесь задерживать. – Гена допил коньяк. – С ЧП меня ознакомили. Лично я сделать ничего не смогу, я медик, а не охранник. Пойду купленные утром медикаменты разбирать.

Аристарх стукнул пустой стопкой по столу.

– Слушай, доктор, а не ты ли, случаем, помог Анне сбежать из поселка?

Гена, уже у дверей кабинета, обернулся на генерала. Они оба питали друг к другу сильные искренние чувства профессионального уважения и человеческой ненависти. Но оба были настолько привязаны личностными, денежными, медицинскими и многими другими факторами к пространству земли, официально называемому «Зона Топь», что оставалось только мириться с присутствием друг друга.

Геннадий улыбнулся генералу.

– Ане? Смог бы – помог бы. Не сомневайтесь.

Как только за Геннадием закрылась дверь, Лёнчик разложил перед генералом листы.

– Я тут для своей командировки наметил план передвижения по населенным пунктам, которые вы мне перечислили. Подсчеты произвел, тактику поисков и доставки изложил.

Генерал без интереса посмотрел на схемы.

– Да подожди ты со своей Белоруссией, никуда она пока не денется, надеюсь. А вот если побег Анны из Топи организовал Гена, мы ее долго не увидим.

– Господин генерал. – Лёнчик начал злиться. Он всегда злился при упоминании имени Анны. Чем она лучше его? Но Анну все любили, а его – нет. – Сбежала так сбежала, и пес с ней. Вы же, Аристарх Кириллович, придумали гениальный план для добывания нового лекарства. Через две недели я привезу вам новый биоматериал, и забудем про Аньку, с ней больше проблем, чем пользы.

Даже умудренный и бездушный Аристарх воспринимал похвалы с удовольствием, тем более заслуженные.

– Хорошо, – генерал отщипнул виноградину. – Действуй, Лёнчик, и помни, о чем мы договорились. Детдома – это хорошо, но если почувствуешь нужные нам качества в ребенке даже при родителях, все равно вези сюда, не размазывай сопли. Только местным бабам не говори, бунт поднимут.

Лицо Лёнчика изменилось, стало самоуверенно-неприятным.

– Я вот одного не понимаю. Зачем родителям урод или умственно неполноценный человек? Мы всем делаем хорошо, а нас осуждают. Моя мать меня, когда я еще был идиотом, терпеть не могла. Стыдилась, унижала.

Аристарх отпил коньяк, и его взгляд задержался на артритных пальцах с распухшими суставами.

– По-разному бывает.

– В девяноста случаях, – Лёнчик вспомнил несчастливое детство, психдиспансеры, детей с таким же, как у него, диагнозом, – родителям такой ребенок не нужен, поэтому ими и переполнены детские дома.

Генерал рассматривал слоющийся ноготь на пальце, банальные рассуждения Лёнчика его мало интересовали.

– Не тебе судить. Я старею.

Положив бумаги в папку, Лёнчик сел напротив генерала, взял придвинутую рюмку.

– Все стареют, это естественный процесс.

– Не зли меня, я слишком быстро старею. Вылетаешь завтра.

– Аристарх, – Лёнчик сложил руки поверх папки, и генерал с завистью посмотрел на его идеальные руки и блестящие ногти. – Вы учтите, что ваш организм изношен возрастом и природными особенностями нашей Зоны. Тело может не выдержать. Сейчас вы получали материал от Ани и меня, и разница составляла сорок лет. С детьми разница подойдет к шестидесяти, и неизвестно, будет ли совместимость.

Генерал побледнел, руки его дрожали.

– Ты... ты, неуч подзаборная, ты кого учишь? Меня? У меня звание академика, я хозяин спецзоны, а ты...

– А я, – Лёнчик встал, аккуратно придвинул стул на место. – Я ваше средство выживания. И если бы не моя и не Анькина кровь, вы бы загнулись еще три года назад.

Лёнчик вышел из кабинета, тихо закрыв за собой дверь.

Взгляд Аристарха опять задержался на ногте указательного пальца. Он дотронулся до него, и ноготь отпал, оголив язву.

– Я жить хочу, Лёнчик. А на всех остальных мне... – Аристарх плюнул на язву.

Он резко встал. Достал из кармана военной куртки плоскую металлическую фляжку, из ящичка стола воронку, входящую в комплект фляжки, и перелил из бутылки немного коньяка.

Пройдя по длинным коридорам, генерал дошел до отсека с надписью на дверях «Медицинский блок». Дежурный охранник открыл перед ним дверь. Аристарх пересек приемный покой, заглянул в кабинет главврача.

Кабинету Геннадия и лаборатории в Зоне, отделяемым от коридора пуленепробиваемым стеклом, мог позавидовать любой исследовательский центр. И в России, и в других странах таких пока больше не было.

Установка на исследование крови по тридцати параметрам. Сканеры всего тела и мозга. Компьютеры последнего поколения, операционные столы в окружении фантастического оборудования – от скальпеля до лазера и с мониторами видеокамер. Видеокамеры были и общего наблюдения, и специальные, дающие не только изображение, но и показывающие температуру органа размером до двух миллиметров; особые капельницы, автоклавы различного назначения и еще много-много медицинского оборудования и инструментария.

У Аристарха лежал длинный список необходимого нового оборудования. Как всегда, миллионов на двадцать.

Геннадий, переодетый в белый халат, смотрел на монитор компьютера, на колонку данных анализа крови сотрудников Зоны. Аристарх запросто зашел в кабинет, на него были настроены все коды дверей Зоны.

– Давно хотел тебя спросить, Гена, как ты относишься к идее перевода сюда нескольких детей?

Геннадий ввел в компьютер новые данные, и на мониторе появилась новая колонка анализов крови.

– Если они ничейные, то нормально. Как я понимаю, их доставка дело решенное. Дети с нужными нам медицинскими данными будут, скорее всего, с тяжелым диагнозом, и переезд сюда – их единственный шанс на нормальную жизнь. У меня по графику обработка данных анализов новых заключенных, есть интересные экземпляры. Вы меня отвлекаете.

– Работай.

У прозрачной двери Аристарх сделал глоток из фляжки.

Академик никогда не напивался, но и абсолютно трезвым после двух часов дня тоже не был. Игнорируя заключения врачей по поводу алкоголя, он провел свои собственные исследования. Алкоголь алкоголю рознь. Лично ему триста граммов в день отличного коньяка вреда не приносили, только поднимали тонус.

Аристарх вышел из кабинета, прошел дальше по коридору и открыл двери с табличкой «Лаборатория». Помещение, особенно после кабинета Геннадия, больше походило на кладовку. У противоположной стены «кладовой» блистал железными дверцами лифт. Генерал спустился на нем на два этажа ниже.

От лифта вглубь вел длинный коридор. Справа глухая стена, слева, за небьющимся стеклом – палаты-камеры.

Появление генерала вызвало вой и матерную ругань. Аристарх шел мимо стеклянной стены, присматриваясь к пациентам, улыбался.

Некоторые совсем не реагировали, лежали на специальных кроватях неподвижными тушами.

В пяти последних, индивидуальных камерах содержались мужчины разного возраста, которых объединяло нечто общее – на их лицах читалось если не безумие, то явная патология. Вели они себя по-звериному, ожесточенно плевались. Один, дождавшись появления генерала, выдал желтую струю мочи на оргстекло. Аристарх задержался на минуту, досмотрел зрелище и осуждающе погрозил пальцем.

– Деградируешь, нехорошо. – Он пошел дальше. – Эх вы, кролики вы мои уродливые, совсем плохими стали. Но скоро у вас будет пополнение. Новая, молодая кровь.

* * *

В городок нефтяников мы заехали на два часа – заправиться бензином, запастись продуктами и обменять крупные деньги на пятидесятирублевки для взяток гаишникам.

Еще год назад я пыталась ничего не платить, с пеной у рта доказывая свою правоту. И чаще всего, после ругани минут на сорок, мне удавалось спасти любимый кошелек от болезненного для меня открывания. Но Толик как-то вечером потратил два часа на расчеты и доказал мне, что экономически выгоднее откупиться и не задерживать движение, чем жаться на столик. Я, несмотря на вечный счетчик в мозгах, реальные доводы понимаю, и согласилась включить в статью расходов графу – заплати и езжай дальше.

Анна сидела у левого окна на заднем сиденье, молча улыбалась, наблюдая за нами. Кирилл вжался в правое окно, чувствуя себя стесненно. Я попросила Толю остановить машину и предложила Анне поменяться местами, и она послушно согласилась. Даже за то, что у меня появился повод легально сидеть рядом с Кириллом, можно было взять с собою Анну бесплатно. Кирилл сел свободнее.

– Маш, с твоей стороны журналы лежат, дай один.

Я достала из бокового отделения дверцы журнал и передала Кириллу, нечаянно дотронувшись до его пальцев. Это было первое прикосновение к Кириллу... Через пальцы в меня ударила молния. Это было мое личное ощущение, Кирилл не должен был ничего испытывать, но он отдернул руку.

– Черт, электричеством ударило. А ты энергетическая девушка, Маняша.

Я отвернулась к окну и сцепила руки, которые тянулись к Кириллу, а болотный голос нашептывал: «Поцелуй его, дура толстая. А то он еще испугается и выкинется из машины, или он крепче, чем кажется, и не упадет в обморок от шокирующего сексуального домогательства». В дверце бликовали обложки ярких журналов. Я достала один и сделала вид, что читаю.

Толик, несмотря на то что уже знал трассу, не стал доводить меня до приступа бешенства сумасшедшей скоростью и держался где-то около ста сорока километров в час. Бесконечная лента дороги, плавно извивающаяся по холмам с низкими пролесками, навела дремоту, и я, отложив журнал, заснула.

Проснулась от мягкого торможения. Справа по ходу дороги красовалась заправочная станция. Рядом сверкали широкими окнами кафе и мотель. На минуту мне показалось, что я уже в Подмоскowie, настолько современными были постройки. Но, выйдя из машины, поняла, насколько ошибалась.

В ста метрах от новомодной заправки, в ярких красках и переливающихся огнями вывесках, начиналась деревенька, отличающаяся особо неприглядным видом. Полтора десятка бревенчатых домов из почерневшего от времени и морозов дерева. Большинство крыш крыты серой дранкой, только на двух сверкает еще светлая жесьть.

Но чуть дальше красовались два новых желтых сруба, скелетные каркасы стропил радовали глаз своей основательностью. Понятное дело – у теплого местечка, мимо которого проедет редкий водитель, обязательно должны появляться новые дома. Владельцы автозаправки устроили коммерческий оазис среди сотен километров лесотундры, где немногочисленные местные жители начали забывать, как выглядят наличные деньги, и на первое место взаиморасчетов вышел натуральный обмен.

Философские размышления о судьбе России никого, кроме меня, не волновали. Толя и Кирилл махали руками и приседали, разминаясь после многочасового сидения. Анна стояла в сторонке, с интересом разглядывая новенькую автозаправку. У меня сложилось впечатление,

что это типовое чудо дизайна она видела впервые. На заставленной дальнобойными фурами стоянке некоторые машины ее явно удивили.

Толик потянулся и зевнул.

– Восемьсот пятьдесят за шесть часов. Неплохо для местного бездорожья.

Я согласно угукнула.

– Очень хочется кушать, – сообщил Кирилл и пошел в сторону кафе.

Я оглянулась на джип. На провинциальных городских улицах моя автомобильная «табуретка» – «Мерседес» пятилетнего возраста – казалась небольшим автобусом веземного происхождения, а сейчас, встав между двумя грузовиками с двойными прицепами, он больше походил на уснувшего на солнце жучка среди кирпичей.

В придорожном кафе был аншлаг. Я лично не заметила ни одного свободного места. Дальнобойщики, народ широкий, обедали шумно и основательно.

Длинный Кирилл встал на цыпочки, перейдя двухметровый рубеж своего роста, приоткрылся к дальнему углу и скомандовал: «За мной».

У пустого, с грязной посудой от предыдущих посетителей, стола обнаружилось только два стула. Еще один, пустующий, был занят одиноким пакетом, но забирать его у нетрезвых шоферов, объединившихся для проведения совместного вечернего досуга, было стремно. Во всяком случае, пока никто не решился побеспокоить водителей и пакет.

Двое вновь вошедших посетителей предпочли съесть свой борщ за барной стойкой, сидя на неудобных коктейльных сиденьях, но не трогать изрядно поддавших дальнобойщиков.

Толик, похоже, оценивал вариант возможного конфликта с компанией из пятерых здоровенных мужиков, которым явно было «тепло», но скучно. Я в его размышления не влезала, а махнула пожилой уборщице в грязном фартуке, ходящей между столами. На лице женщины стойко отпечатались выражения неприязненности к посетителям и скука. Я щелкнула пальцами, привлекая к себе внимание.

– Любезная! Подойдите, пожалуйста, сюда!

Тетка замерла, переваривая непривычные слова, и, переглянувшись с удивленной официанткой, не спеша направилась к нам. Я постучала пальцем по грязному столу, уборщица смотрела на меня с сочувствием, ничего не предпринимая.

– Не успеваю убирать. К вечеру жуть не переставая. – Она встала передо мной, держа в красной от работы ладони серую тряпку, пахнущую тем специфическим запахом, которого умеют добиваться в общественных столовых.

Только я хотела сделать замечание, как сама уборщица, смущенно улыбнувшись, извинилась: «Пойду тряпочку сменяю, а то запахла».

Интересно, с чего бы у тетки проклюнулась сознательность? Неужели она почувствовала, что мое терпение заканчивается и я сейчас закачу скандал, который они долго не забудут? Но тетка смотрела не на меня. Я оглянулась. Оказывается, уборщица отреагировала на легкое подрагивание крыльев носа скромно вставшей у стеночки Анны.

Перед нами, не дожидаясь, пока мы рассядемся, встала официантка и протянула ближе к ней стоящему Кириллу три засаленные страницы «меню». «Девушке» было лет под сорок, но она знала, что до ближайших автозаправок – по сто километров в обе стороны и что она здесь местный неоспоримый секс-символ. Хотя и сильно располневший.

– Чо будем того?.. – не утруждая себя лишним бесперспективным для нее разговором, спросила она.

Уборщица загребла грязную посуду и попятилась в кухню. Мы с Анной сели.

Толик сглотнул голодную слюну.

– Мы, наверное, в машине поедем...

Его тут же перебила официантка:

– Да кто же тебе посуду навьнос даст? Значит так, молодые люди, или заказываем, или своим девушкам глазки строим. У меня тут очередь из желающих... – Официантка опять не закончила двусмысленную фразу.

Ребята листали над нашими головами «меню», настраиваясь пообедать стоя, наклонившись над краешком стола. Но тут опять удивила Анна. Она встала, обошла официантку, с ходу улыбнулась бармену:

– Есть свободный стул?

– Только один, мой личный, – доброжелательно ответил официант. – Он ваш.

Анна, как бы не ожидая иного ответа, повернулась и подошла к шумной компании шоферов, обсуждающих проблемы российского спорта за очередной бутылкой водки. На собственном стуле отдыхал полупустой пакет.

– Я у вас стул хочу забрать. – Она взяла пакет в руки. – Куда его положить?

Мужчины разглядывали Анну секунд тридцать. Мои парни напряглись, представляя, как будут делать вид, что не заметят матерных высказываний в адрес девушки, которая приехала с ними. Но я была уверена... И точно! Широкое лицо подвыпившего шофера изменила доброжелательная улыбка.

– Да кинь ты его под стол, голуба. Чего ты этот пакет в руках держишь? Иди кушай, подкрепляйся.

Пятеро мужчин смотрели на Анну с умилением детсадовцев перед любимой воспитательницей.

– Спасибо. – Анна передала пакет самому небритому водителю, взяла стул и, не переставая улыбаться улыбкой Моны Лизы, подошла к нам.

Официантка скривилась от удивления. Анна поставила стул, села и начала диктовать.

– Я буду салат из свеклы, грибы с картошкой, апельсиновый сок и пятьдесят граммов коньяка.

Говорила Анна негромко и вежливо. Рука официантки резво делала пометки в блокноте.

– А мне два шашлыка, двойной борщ, пять кусков хлеба, пакет сока, две ватрушки с творогом и двести водки, – торопливо проговорил голодный Толик.

– Не ори, не на базаре, – привычно отреагировала официантка. – С ума сойти!

Бармен со стулом в руке, приближающийся к нашему столу, ввел «девушку» в ступор.

– Возьмите, пожалуйста. – Бармен смотрел только на Анну.

– Спасибо вам.

– Чо дальше? – поинтересовалась официантка.

Кирилл придвинул принесенный стул, сел рядом со мной.

– Мне, девушка, то же самое, что вам заказал этот прожорливый тип, но без водки.

– А те чо? – «Звезда» шоферов без радости смотрела на меня.

– Шашлык, салат и апельсиновый сок.

За обедом Толя и Кирилл обсуждали вопрос ночевки, склоняясь к тому, что пора зайти в мотель, поинтересоваться ценами.

Я, третьи сутки мечтавшая о полноценной кровати с чистым бельем, о цивилизованном унитазе и теплом душе на ночь, зачеркнула крахмальную мечту. Ни один мужчина, зашедший выпить или обедавший в кафе, не пропустил взглядом Анну. С таким повышенным интересом к ее особе мы рискуем нарваться на шофера, уверенного, что его общество – большой подарок судьбы для скромной девушки. Это сколько же нам придется приложить усилий, чтобы его переубедить? Лучше отъехать подальше от людных мест.

– Рано еще ночевать. Добьем до тысячи, и тогда спать. И не в мотеле, а в самой глухой деревне, километрах в десяти от трассы.

– Мы за один день можем проехать тысячу километров? Мы так быстро едем?

Я посмотрела на удивленную Анну.

– Странно. Автозаправки ты такие никогда не видела, почти все машины для тебя новинку. Ты рассматриваешь одежду на людях и полупластиковая посуда тебе непривычна. Ты где была последние годы?

– Я была в зоне. – Анна ответила тихо. – Но не заключенной. Можно я пока не буду об этом рассказывать?

Я и сама пожалела, что начала разговор.

– Извини, Анна, была не права. По коням, мальчики. Кирилл, твоя очередь вести машину.

Я подняла руку, приглашая официантку для расчета. Та неожиданно мило улыбнулась, взяла со стойки маленький подносик и подошла к нашему столу. На подносе стояла одинокая рюмка коньяка.

– Это наш хозяин вашей Анне преподносит в знак уважения.

Анна взяла рюмку, улыбнувшись, сделала первый глоток.

– А чего лимончика недодали? – проявил знание этикета Толик.

– Такой коньяк лимоном не портят, – весело ответила Анна и сделала второй глоток.

Интересно, пластиковая посуда в цветочек ей в новинку, а о дорогих коньяках она имеет понятие. Проверив счет, я расплатилась с официанткой, точно высчитав пять процентов чаевых.

– Заезжайте к нам еще раз. Так приятно с интеллигентными людьми пообщаться, – радостно прощалась с нами «девушка».

Это Толик интеллигентный? Моего брата у нас дома зовут Толян-грубиян и льстят. На самом деле он не только грубит, он орет, выясняя отношения, и часто лезет в драку.

Я посмотрела на официантку, но она видела только Анну, допивающую коньяк.

– Спасибо, – сказала Анна бармену и официантке. – Коньяк мягкий, букет изумительный.

Она встала, положила бумажную салфетку около тарелки.

– Я готова ехать.

Когда мы выходили из кафе, нам вслед смотрели все без исключения. И на лицах были улыбки папаш, провожающих дочурку в первый класс. «Дочуркой» была не я.

Наверное, штука – это мало за доставку подобного чуда природы. Может, плюнуть на деньги и попросить любого шофера, едущего в сторону Урала, довезти попутчицу? Ведь никто не откажет...

Поздно... Кирилл смотрел на Анну с видом старшего брата. Но это ладно. Толик держал перед Анной входную дверь! Толик, мой сводный брат, который придерживал дверь только перед моей мамой, надеясь на очередные деньги в долг!

Ой, не к добру этот Версаль. Отказываться надо было утром...

Искомую для ночевки деревню мы смогли обнаружить только в половине двенадцатого ночи.

В сумерках уходящего незакатного лета деревня, всего в семи километрах от основной трассы, отличалась открытостью и размахом. Дома здесь отстояли друг от друга непривычно дальше, чем положено. Сам дом, как мини-крепость – широкий, высокий, часто в два этажа. И длинный, у каждого за дальней стеной пристроен скотный двор, чтобы в зимнюю стужу дом обогревал животных, а они дом. Отдельно стояли баньки и амбары. И никаких ворот и заборов, только огороды огорожены слегами или высокой оградкой от глупых овец или жадных свиней. А чего? Земли вдоволь, какой-нибудь резной столб, а то и дерево служили межой. А попробуйте в снежные зимы откапывать ворота каждый день или по весне разгрести сугробы у заборов, чтобы земля быстрее прогрелась! Здесь этого не надо.

Добудиться до жителей удалось минут через десять. Стучали сразу в два дома, для улучшения результата. В одном испуганный мужичок все время спрашивал через дверь: «Что, что случилось?»

В другой избе отворилось окно, женщина в халате и кофте вывалилась наполовину наружу и обложила нас таким матом, что Толик, с ходу могущий перематерить личный состав районного вытрезвителя, куда он регулярно попадает два раза в год на собственный день рождения и на Пасху, восхищенно посмотрел на тетку и попросил повторить. Тетка смягчилась от похвалы и выслушала нас.

Что в одной, что во второй избе нас синхронно послали... на хутор.

В конце деревни, на границе с лесом, раскинулся хутор – огромное хозяйство. Да и здесь забор был редкий.

Хозяйка, крепкая пожилая женщина, как будто ждала нас. Мы подъехали к ограде, когда она вышла из дома и оттащила в сторону створку длинных невысоких ворот. По территории бегали и бесновались две здоровенные овчарки, всласть облаивая нашу машину. Сдерживала их цепь, прикрепленная к толстой проволоке.

– Много вас, – недовольно сказала хозяйка. – Придется по двое в кроватях уместать.

Собаки заливались лаем, соревнуясь между собой в преданности хозяйке.

Толя высунулся из окна.

– Куда машину ставить?

– За дом заезжай, там площадка забетонированная.

Она обернулась к псам.

– Цыть, собачье отродье! Уши от вас позакладывало. Цыть!

Площадка за домом оказалась не просто бетонной, но и с навесом. Здесь приткнулись синие «Жигули», что для глухой деревни равно хорошей иномарке, и мини-трактор. Для моей «табуретки» тоже места отказалось достаточно.

Я выпрыгнула на землю. Яркий фонарь освещал пространство перед домом, все остальное растворялось во мраке. Лес стоял черной стеной. Очень красиво... и жутко.

Сбоку от площадки сушилось белье на веревках. Немного, и в основном женское. Хозяйка, поглядывая на нас, начала снимать белье. Мне стало любопытно, и я, чтобы не кричать в гулкой тишине, подошла к ней ближе.

– Одна живете?

Я рассматривала женщину, она – меня.

– Когда как. Круглый год работники нанимаются. Иногда оставляю кого-нибудь из них, кто понравится, тело потешить.

Женщина говорила не смущаясь. Вот бы мне так.

Хозяйка застегнула на своей теплой кофте пуговицы.

– Холодает к вечеру. Чего не спрашиваешь, сколько за постой возьму?

– Сколько?

– По пятьдесят рублей. Дорого, конечно, но я чистое белье постелю. Ужинать будете?

– Будем.

Оранжевый голос обрадовался: «Пустячок, а приятно. В любом мотеле расценки начинаются с двухсот рублей». «А не нравится – жмись в машине», – добавил зеленый голос номер три.

Я доставала из сумок пиво и продукты, Кирилл перекаладывал в сумку оружие. Толя оглядывался и мялся. Хозяйка перехватила его ищущий взгляд.

– Гостевой нужник у меня вон там. – Хозяйка махнула в сторону леса. – Если по-маленькому, то лучше за ограду.

– Далековато.

– А в свой пускать брезгую. Да и нечего по двору ходить, собак моих беспокоить, злые они очень. Вдруг сорвутся и откусят чего-нибудь жизненно важное?

Последней из машины вышла Анна. Хозяйка ойкнула, глядя на нее.

– Вот это да... И откуда взялась такая краля?

Анна тихонько улыбнулась.

– А у вас сеновал есть?

– Есть, конечно.

– Тогда покажите после ужина ребятам, где матрас лежит, пусть на сеновал отнесут, я там спать буду. Можно?

– Можно, если мышей и ужей не боишься.

– Не боюсь.

Ребята на их разговор внимания не обращали. Как-то само собой подразумевалось, что Анна глупостей не скажет и не сделает.

Ужин прошел в дружеской, сонной обстановке. Пили чай с бутербродами и по очереди зевали во весь рот. Из последних сил расстелили кровати и отнесли матрас на сеновал.

Две кровати распределили на троих просто. Меня положили отдельно, а Кирилла с Толей мы решили засунуть в одну койку и даже не пошутили по этому поводу, настолько сильно хотелось спать.

Анна пожелала всем «спокойной ночи» и пошла на сеновал. Серый кот, весь ужин просидевший у нее на коленях, поплелся вслед за ней. Хозяйка хотела оставить кота, но тот упорно рвался из избы. Я забралась в кровать и заснула через полминуты.

Первое, что я услышала утром – мужской двухголосый храп. Мальчики «работали» каждый в своей тональности. Спать под такой аккомпанемент можно, а вот заново уснуть – нет.

Теплое солнце светило в глаза, за окном слышалось: «Цыпа, цыпа, цыпа. Иди сюда, тупая дура».

Лежать под шерстяным одеялом было жарко. Я встала с железной койки, заглянула в соседнюю комнату.

Кирюха и Толик спали друг к другу спинами, свесив головы по обе стороны старой кровати. Я только на миг представила, что на месте Толи могла быть я... Голова так закружилась, что пришлось прислониться к косяку. Никогда, никогда стройный красавец и умница Кирилл не посмотрит на меня иначе, чем на вечно командующую сестру своего друга и, что самое страшное, старшую сестру.

Солнце августа длинными полосами лежало на полу, на столе, на простынях расстеленных кроватей. На высоких окнах висели занавески из старого тюля, подштопанные, но чистые. Чистыми были и пол, и печь. Мебель пахла необычным полиролем. Подойдя ближе к буфету, в котором за стеклами хранились хрустальные бокалы и праздничный чайный сервиз, я принюхалась. Буфет пах воском.

Гомон птиц, звон отъездивших за лето мух, бляение овец... Звуки детства из пионерского лагеря и деревни, где жила наша с Толиком бабушка. Захотелось на улицу.

Ставни окна открылись без скрипа. Давно я не видела таких старинных оконных запоров, да и ставен тоже. Около хозяйки копошилось кур двадцать, не меньше.

– Доброе утро, – сказала я негромко, но женщина услышала. – Хотела вам деньги отдать и заказать яйца. Нам нужно штук тридцать. Десять для яичницы на завтрак, остальные в дорогу. Найдется у вас столько?

Обрадовавшаяся хозяйка высыпала остатки корма на голову ближайшей курицы.

– Да за хорошую цену, милая, у меня много чего найдется. Уже иду.

Достав из дорожной сумки пакет с принадлежностями для умывания и кошелек, я вышла в коридор и столкнулась с хозяйкой. Я тут же стала отсчитывать деньги за ночлег, ужин и завтрак, но хозяйка, взяв деньги, приложила палец к губам.

– Тихо, иди за мной. Я такого давно не видела.

Мы пришли на сеновал. На копне, укрывшись одеялом до подбородка, спала Анна. Волосы выбились из косы и прядями извивались на подушке. Выглядела Анна земным ангелом и была необыкновенно хороша. Но хозяйка позвала меня не умиляться, а удивляться.

Над подушкой, в волосах Анны спал серый хозяйский кот, у левого плеча две мыши. В ногах тихо похрапывали оба злобных пса. Чуть выше, на деревянной лестнице, ведущей на второй ярус сеновала, кемарили пять голубей и неизвестная мне яркая птица, а под лестницей, свернувшись клубком, недвижно лежали две змеи.

Хозяйка протянула мне пятьдесят рублей.

– С блаженных денег не беру.

– Не поняла...

Женщина нагнулась и зашептала мне в ухо:

– Полудикие и дикие звери, а у нас других не водится, могут мирно спать только с блаженными.

Мне стало не по себе, и от этого я выдала дурацкую шутку:

– А я думала, они съели что-нибудь.

Хозяйка оглядела меня с жалостью.

– Больше думай о духовном.

– Спасибо, но не раньше первого января две тысячи десятого года. До этого времени я зарабатываю деньги, без перерыва на благотворительность.

Женщина усмехнулась.

– Ой, какие слова громкие. Но учти. Человек предполагает, а судьба располагает. Яичницу с колбасой сварганить или омлет зажарить?

Очень, очень люблю покушать. Ценю вкус еды, разбираюсь в совместимости продуктов и диетах. Хорошей колбасой в доме не пахло, это я поняла еще вчера.

– Колбаса домашняя? Только честно.

– Магазиновая. Своя будет через месяц, рано еще животину забивать, а с прошлого года все поели, – извинилась хозяйка.

– Тогда омлет.

После завтрака Кирилл сел на заднем дворе, где у хозяйки был огорожен небольшой выгон, и зарисовывал лениво пасущуюся живность. Овцы с барашками, четыре козы и трое поросят, привязанных за ногу. Мне кажется, это не рисовать, это на видеокамеру снимать надо. Зря на ней сэкономила, не подумала, что много интересного в пути встретится.

Толик мылся на заднем дворе, Анна разговаривала с хозяйкой о травах. Дикая серый кот лежал рядом с Анной на лавке, урчал от удовольствия, делая вид, что все понимает.

На дворе благоухало бабье лето. Сильно пахло близким лесом и скошенной травой. В саду за домом ветки смородины гнулись от тяжести ягод. Оранжевыми кистями хвалилась облепиха. У каждой яблони был свой оттенок яблок, от ярко-зеленых до темно-красных. Десяток клумб по всему двору радовали глаз охапками цветов. В общем, полная благодать. От такое-то **богатство** да ближе к столице! Но... мечты, мечты.

Открыв багажник, я выставила на траву наши сумки и запасное колесо... Следующей была сумка Анны, я взяла ее, и моя рука тут же упала вниз от тяжести. Ничего себе у девушки силушка, несла свою сумку она очень легко.

Сняв чехол багажника и мягкую ткань темной простыни, я залюбовалась товаром. Темно-коричневые изогнутые «полена» лежали неровным слоем в три ряда. Я провела ладонью по шероховатой поверхности нашей добычи. Денежки мои, тепленькие.

Ощущение в ладони было завораживающим. Не я одна уверена, что от нашей добычи идет особая энергетика, тепло, сила...

– Что у вас там такое? – Анино любопытство были искренно женским. – Что можно было найти ценного среди сопок? Неужели вы черные археологи?

– Нет, не археологи. – Я повернулась к Анне. – И ничего опасного. Пойдем Кирилла уговаривать, нам минут через двадцать нужно выехать, а он весь в творчестве.

Анна повернула голову, всмотрелась в лист большого блокнота. На рисунке хутор выглядел иллюстрацией к русским народным сказкам.

– Интересно. Красиво.

Что именно рисовал Кирилл, меня мало интересовало. Я видела его светлые волосы, ставшие длиннее, открытую загоревшую шею, широкие плечи, сильную спину под трикотажем майки, сосредоточенный профиль тонкого лица и четкие движения сильных рук.

– Очень красиво.

* * *

Показывая всем видом пренебрежение к факту побега Анны, Лёнчик ни на минуту не собирался прекращать поиски. А тем более что так удачно сложились обстоятельства – он свободен во времени и в средствах.

С генералом ему обсуждать возвращение или наказание Анны не хотелось.

За сутки, прошедшие после побега Анны, Лёнчик выяснил, что по ближайшей к воинской части дороге проехало всего пятнадцать автомобилей. Из них десять принадлежат нефтяникам, четыре – гостям из города и только один – невиданной здесь до сих пор конфигурации джип-«табуретка» марки «Мерседес» был с номерами «69», которые обозначают город или область Тверь.

Но эта машина меньше всего под подозрением, слишком она броская – и марка, и номера.

Куда же Анна могла деться? Пешком – смешно. Рейсовые автобусы здесь не ходят, вертолеты вчера в округе не летали.

Без подготовки такое мероприятие не организуешь, и разумеется, что в Зоне есть соучастники ее побега. Но хрен они расколются, откровенничать никто с Лёнчиком не станет. В части Зоны с ним считаются, но в жилом секторе, в поселке, никто не хочет общаться. Неужели они чувствуют, что он при желании может задавить их в одну минуту?

Из десяти автомобилей, скучающих в просторном, сверкающем чистотой гараже, Лёнчик выбрал представительскую «Ауди», принадлежащую генералу. До города добрался за час.

Он остановил машину в центре. Здание администрации отделял от недавно построенного православного храма небольшой сквер. Лёнчик вышел из автомобиля и сел на свободную лавочку. Мимо прошли две хорошенькие девушки и обе с интересом на него посмотрели. Лёнчику они показались пресными. От них ничего не исходило. И от подавляющего большинства горожан тоже, они не только «не фонили», но не было даже намека на сотую долю хоть каких-то особых качеств.

Ладно, о своей исключительности он поразмышляет потом, а теперь необходимо спокойно посидеть и постараться услышать не людей, а сам город. Куда могла пойти Анна? Город молчал. Он не почувствовал здесь ее пребывания...

Зато Лёнчик понял, куда может привести след. Он слышал, что ребята из спецотдела и Гена, как главный врач, периодически обращались в местный паспортный стол по случаю списания документов или приобретения новых. Людские потери при производстве, развернутом в Зоне Топь, катастрофически велики, поэтому в архиве Аристарха пылились сотни паспортов и другие документы эков, которые никогда не освобождались из Зоны по причине естественного убытия. Там же были и настоящие документы Анны и Лёнчика.

Лёнчик оглянулся на здание администрации. Интересно, где у них паспортный стол? Население всего города вряд ли было больше двадцати тысяч, следовательно, паспортный стол здесь один.

Лёнчик встал, особым движением, ладонью справа налево, сильно пригладил волосы, сделал несколько гримас, добиваясь улыбки на лице, и подошел к зданию. Поднимаясь по лестнице, он спросил супружескую пожилую пару, где расположен паспортный стол. Мужчина охотно ответил, женщина смотрела на Лёнчика с открытым ртом.

– Юра, ты видел? – услышал Лёнчик в спину. – Они бывают живые, эти киношно-журнальные красавцы.

Лёнчик решил, что впредь надо больше общаться с женщинами, они отзывчивее.

Начальницей паспортного стола оказалась толстенная дама ближе к пятидесяти. Как только Лёнчик вошел в кабинет, дама одной рукой схватила за сердце, другой прикрыла рот, сдерживая возглас восхищения. Если бы у Лёнчика были в запасе сутки, он бы выяснил нужное и без денег, но гробить вечер и ночь на охмурение толстой тетки с небритыми ногами было жаль.

За пять минут общения Лёнчик объяснил начальнице, что она «слегка» злоупотребляет служебным положением, выписывая липовые документы. Его лично интересуют только женские паспорта.

Четыре минуты у начальницы ушло на его запугивание, пять минут на отрицание своей причастности и семь минут на слезы, со всхлипами, вытиранием глаз платочком и с жалобами на жизнь.

На последнем этапе «спектакля» Лёнчик встал, подошел ближе к женщине, уверенно выдвинул средний ящик стола и положил в него двести долларов.

– Ей по паспорту должно быть от двадцати пяти до тридцати лет. Место рождения и прописки значения не имеют. Оформление происходило, скорее всего, в этом году. О нашем разговоре никому знать не надо.

– Не надо? – Начальница вынула из косметички специальную ультрафиолетовую лампу, осмотрела «взятку» и твердо посмотрела на Лёнчика. – Записывайте. Женщина в списке была только одна. Анна Аркадьевна Арцибашева.

Глава 2

Я вела машину, рядом сидела Анна. Ребята на заднем сиденье играли в карты. Выигрывал, как всегда, Толик.

Впервые в жизни я оказалась так далеко от родного дома и бросила на произвол судьбы любимый магазин и еще более любимого сына Данилу. Но отпустить ребят одних – это было выше моих сил, особенно Кирилл, я ревновала его все больше с каждым днем. По какому праву?!

Дальняя дорога завораживает. Теплый ветер в опущенное окно, запах свободного пространства. Внутри меня, ровно посередине туловища, где-то между душой и животом дрожало предощущение скорого возвращения.

Если все случится, как я рассчитала, то наконец-то мы с Толиком сможем выкупить часть хозяйственного магазина, в котором работаем четвертый год.

Я по ночам просыпаюсь от счастья, когда мне снится моя мечта – я захожу в собственный магазин. Снятся даже запахи свежеспиленных досок, темного машинного масла, клея, хорошего линолеума и металлического блеска нержавеющей стали. А оставшиеся деньги я вложу в соседний туристский кемпинг, мы с Толиком высчитали, что деньги вернутся через год.

Сегодняшние владелицы хозяйственного магазина отдел стройматериалов не любят, им больше нравятся идиотские сувениры и слишком красивенькая посуда. Они ничего не понимают в торговле. На Селигере, где идет постоянное строительство и ремонт дачных домов и гостиниц, стройматериалы – самый востребованный товар, а все остальное «сопроводительные аксессуары».

Даме в возрасте и ее дочери вполне сознательных лет магазин достался неожиданно, по наследству. Основал дело прекрасный человек, который вкладывал в этот магазин душу. Но весной моего бывшего хозяина парализовало, и две курицы, мать и дочь, всю жизнь просидевшие за спиной делового человека, решили, что достаточно понимают в торговле. Дуры набитые. Хорошо, я человек честный и даже прибыль им какую-то приношу.

Но если совсем уж откровенно, за весну и лето мы с Толиком сделали столько денег, что впору открывать собственное дело. Только мы посчитали и решили, что искать новое место, вкладываться в строительство павильона и в рекламу стоит больших денег. А еще автомобильная стоянка, фонари на дороге, сама дорога.

Дешевле выкупить магазин с наработанной клиентурой.

В июле я послала Толяна к «курицам» для переговоров. Сама не решилась, боялась, что сорвусь, расскажу, какие они, мягко говоря, растяпы и столько упускают прибыли. Бабы-дуры заломили за магазин цену бензозаправки. Ладно, думаю, время пройдет, аппетиты снизятся. «Нельзя заниматься торговлей, не любя и не понимая ее, она обязательно отомстит» – это мне прежний хозяин с самого начала сказал, и я с ним согласна.

Я, Толик и Кирилл написали коллективное заявление об отпуске на август и отдали ключи от магазина этим «хозяйкама».

Через две недели дочка как бы нечаянно два раза прошла мимо нашего дома. А у нас сборы в экспедицию, шашлыки на шампурах, вино сухое бордовой рекой, музыка из окон.

На второй день она и мамаша напрямую к нам зашли. Продавцы, которых они наняли на время нашего отпуска, больше курили, чем работали. На покупателей внимания мало обращали, к тому же у них бензопилу сперли. В этот раз «куры» просили за магазин на десять тысяч меньше.

Я бы тут же вернулась в магазин, бросив шашлыки, но ребята меня охолонили.

– Не торопись, Манюня, – философски рассуждал Толик, записывая в статью расходов покупку трех туристских комбинезонов защитной расцветки, – к концу месяца они еще десятку скинут. А ты забыла, сколько мы для поездки закупили, Данилу экипировали для поездки к бабушке? Неужели зря тратились?

Кирилл упаковал в свою сумку карандаши и листы бумаги.

– Слушай, а я думал новые места увидеть, эскизы набросать.

Он смотрел на меня, держа в руках набор пастели в двадцать четыре цвета. Только от меня зависело, положит ли сейчас Кирилл его в сумку, или, сдерживая раздражение, сунет его в пакет и унесет к себе домой.

Мой никогда не дремлющий голос предупредительно замигал оранжевой вспышкой. «Пусть Кирилл уходит, черт с ней, с этой поездкой. Делай, Манюня, деньги, а остальное придет само собой. В крайнем случае, купишь. Даже эту любовь».

«Ой, как неэтично и непоэтично. Настоящую любовь, как показывает мировая история, за деньги не купишь. А сколько появится новых впечатлений!»

«Кстати, я опять насчет „купишь“, – оранжевый голос легко „забил“ голубенький, – на поездку действительно потрачены немалые деньги, и их необходимо отработать. Я в сомнениях...»

«Короче, мы едем, а то я потом всех сожру своим занудством за возможную потерю в деньгах и в... этих, как их... в эмоциях», – подытожил третий голос.

И я сказала: «Завтра едем».

Дорога была раздолбана, но проехать вполне можно. Время приближалось к двенадцати дня. Анна, прислонившись головой к стеклу дверцы, думала о чем-то своем. И тут резко обозначился мой второй голос: «Ну, спроси ее, спроси, интересно же...»

Анна обернулась ко мне, и я решилась.

– Анна, а как ты там, в тех местах оказалась?

Она улыбнулась, как будто давно знала, что ее спросят об этом, начала рассказывать. И тут начался странный эффект. Ребята нас не слышали, а я была здесь, сидела за рулем, и одновременно в другом времени, в другой жизни.

– Несколько лет назад, в Москве...

Я хотела перебить Анну, уточнить, сколько лет назад и, вообще, откуда она родом. Но не смогла. Пространство вокруг меня сместилось, и по волне голоса я оказалась в прошлом Анны.

– Наташа, она такая надежная... Она имела идеальный размер тела для любимой жены в России...

* * *

Наталья имела идеальный размер тела для любимой жены в России – пятьдесят четвертый. Сегодняшним субботним утром она позволила себе поваляться в кровати до одиннадцати часов и теперь крутилась в маленькой кухне, готовя обед, а заодно и ужин.

Десятилетний Вовчик, навалив в бордовый борщ полпачки майонеза, развозил в тарелке широкие круги большой ложкой. Отец Вовчика, имеющий честь быть мужем Натальи, тоже сидел за столом и делал вид, что его не тошнит от запаха еды, а холодную бутылку пива у лба он держит случайно.

Наталья, поправив длинноватый рукав халата, высыпала в утятницу приправы из трехлитровой банки, замерла на секунду и оглянулась на бледного мужа.

– Паша, чего это брат мой даже к обеду не поднялся, вы опять вчера сильно надрались?

Павел, повернув нос к открытой форточке, вдохнул зимний, с запахом снега, воздух, сощурился на яркое солнце и, сглотнув перегар, «бодро» ответил:

– Че, Наташ, все нормально. Припозднились немного, а так... не перебрали.

Наталья, сморщившись, недоверчиво наблюдала за попыткой мужа объясниться.

– Вы во сколько, Паша, приехали-то? В три?

Вовчик, равномерно размазав майонез по тарелке, попробовал борщ и отодвинул тарелку от себя.

– Они, мам, с дядей Гришей утром приехали.

Папочка поперхнулся, мать заинтересовалась и перестала резать хлеб.

– А еще они, мам, утром тетю какую-то с собой принесли, маленькую такую.

Мамочкино лицо менялось на глазах, Вовчик даже заволновался и решил ее успокоить:

– Они, мам, ее в дяди-Гришину комнату положили.

Папа смотрел ровно перед собой, на розовое пятнышко на кухонном столе.

Наталья тихо сказала: «Ага», метнула хлеб в раковину, нож в хлебницу и чеканным шагом двинула свое не хлипкое тело в длинный коридор, к дальней комнате.

Не теряя времени, Павел достал из холодильника еще одну бутылку пива. Потом Наташа, конечно, станет ругаться и клеймить его, но будет поздно. Пиво будет плескаться в животе, поднимая настроение.

Сначала она постучала не очень громко, согнутым пальцем. Молчание. На стук кулака тоже не ответили... Тогда она рассердилась.

– Гришка! Открывай, твою мать!

Наталья грохнула по двери ногой, в замке хрустнуло, и дверь раскрылась. Гриша, любимый брат, спал сиротой казанской, по-детски притянув ноги к животу, на матрасе, кинутым на пол, под тоненьким пледом.

На кровати сидела тощая прыщавая девица и со спокойным интересом смотрела на Наталью.

Девица была страшенькая, но, во-первых, вопреки ожиданиям Натальи, одета, а во-вторых, ноги у девушки были перебинтованы. Сквозь бинты проступала кровь.

Сзади Натальи тихо вздохнул Павел, подтолкнул жену в комнату и закрыл за собой дверь. Сделав глоток пива из бутылки, он протянул руку и хотел что-то сказать, но сказала девушка.

– Меня зовут Анна.

Голос у нее был удивительный. От этого заморенного существа ожидался писклявый дискант, а прозвучал низкий, глубокий голос.

Григорий открыл глаза и посмотрел на Павла:

– Мне это не приснилось?

Павел печально констатировал:

– Не-а, тут она.

Наталья села в кресло, поправила халат на мощной груди, показала мужу пальцем, где ему сесть, то есть на хлипкий стул, и, посмотрев в окно, разрешила:

– Давайте, мальчики, докладывайте.

Павел осмотрел свои домашние тренировочные штаны, потолок, рельефный силуэт жены.

– Мы, Наташ, из казино ехали. – Павел тоскливо заглянул в горлышко пустой бутылки. – Устали немного, соображали слабо.

– Во сколько?

– Соображали?

– Ехали!

– А... утречком. В полдевятого... Заворачивали к булочной, ты ж вчера вечером велела хлеба купить, когда мы погулять отпросились, мы ж помнили. Ну, заворачиваем мы к булочной, а там дорога не чищенная, по тротуару сугробы, а Гришка за рулем.

– Короче.

– Ну, чего? А эта идет. Скользит по тротуару. Где тротуар, где дорога, не понятно, а эта... девушка, скользит. И под машину. Мы ее немного протащили, там снег вчера подтаял, а сегодня с утра острый. У тебя есть новые колготки?

– Паши, куда ей мои колготки? На голове завязывать?

Двери в квартире были массивными, маленькому Вовчику было плохо через них слышно, и он тихо нажал на дверную ручку. Мама на поворот ручки отреагировала сразу.

– Вовчик, быстро на кухню! Доедай борщ!

Голос мамы свободно пробивал толстые двери, и Вовчик был уверен, что ее слышат соседи как сверху, так и снизу.

– Я понял, мам. – И он пошел играть на компьютере.

Наталья опять вздохнула всей грудью, но халат выдержал.

– Значит, пьяные-то, пьяные, а то, что за наезд в таком виде можете сесть года на три, все-таки сообразили.

Григорий одевался, сидя на матрасе, и оправдывался:

– Нет, Наташ, не в этом дело, жалко ее стало. Лежит около машины как цыпленок, не плачет, и вот так вот, – Григорий изобразил хватку мелкой птицы, – портфель своей лапками держит.

– У нее перелом?

– Слава богу, нет, но ноги мы ей ободрали здорово.

Девушка на кровати по-школьному тянула вверх правую руку, придерживая локоть левой.

– А можно? Можно мне руки помыть? А то они меня в машину засунули, сюда привезли и все говорили, говорили, а что я просила, не расслышали.

Наташа подошла к ней ближе.

– Ты, наверное, испугалась?

– Нет.

– В школу шла?

– Нет, на работу. Мне уже почти двадцать шесть лет. Честное слово. Я старшим кассиром в кинотеатре «Родина» работаю, на Семеновской площади. А можно мне руки помыть и маме позвонить?

– Естественно, можно. Ребята, помогите ей до туалета добраться. А может, лучше в больницу, а не домой? Вон как кровь проступает.

Аня улыбнулась.

– Все нормально. У меня свертываемость крови плохая.

От Белорусского вокзала Григорий и Анна ехали в потоке машин все медленнее и на Тверской, напротив бывшего Музея Революции, встали окончательно.

Солнце жарило в автомобильные окна с синего неба, чувствовалось, что скоро весна.

Две яркие девушки на тротуаре разговаривали, быстро-косо оглядывая проезжающих и проходящих. Мимо них прошла компания веселых ребят, модных, уверенных. Аня подумала, что никогда не впишется в такую компанию, как бы ни старалась. А сейчас Григорий отвезет ее домой и забудет как страшный сон.

Григорий жмурился от солнца, крутил головой, высматривая, двинулись ли передние машины.

– Два года в Москве не был, в лесотундре своей сидел. Надо же, сколько красивых девушек повылезало...

Анна посмотрела на свои обгрызенные ногти.

– Лесотундра это, где деревья карликовые растут?

– Да. Еще там леса, болота и сопки.

Стараясь не выглядеть слишком несчастной, Анна заглянула в глаза Григория.

– Знаешь, Гриша, а я мечтаю уехать из Москвы.

Григорий видел, что девушка старается ему понравиться. Девушка, конечно, страшненькая и совсем не женственная, но так приятно, когда на тебя смотрят с искренней влюбленностью.

– У нас в поселке почти четыреста мужиков и только двадцать женщин. Каждая чувствует себя королевой.

– В каком поселке?..

Григорий достал сигарету, включил зажигалку на панели автомобиля. Анна испугалась.

– Нет! Мне плохо будет, пожалуйста.

– Ладно, потерплю. Зона и поселок Топь – это огороженный участок суши, на территории которого находятся служащие Министерства внутренних дел и служащие Российской армии. Отдельно содержится контингент осужденных, которые под присмотром вышеперечисленных отработывают свой долг перед государством, добывая ценную руду в шахтах. В Зоне я работаю начальником охраны, то есть фактически начальником Зоны. А ты?

– В кинотеатре бухгалтером работаю. – Аня достала чистый ажурный платочек, приложила к носу. – Как же они все дымят, эти машины.

– Да, воздух у нас почище.

Анна увидела свое отражение в зеркале правого крыла. Лицо в частых прыщиках покрылось красными пятнами. Настроение упало, и она резко спросила:

– У вас на работу принимают?

– В смысле?

– Я могу приехать и устроиться на работу?

– Кем, Аня? У нас особая зона, у нас по своей воле не приезжают.

– А я хочу. Мне, Григорий, все равно мало осталось, и в Москве я никому не нужна. – Аня смотрела прямо перед собой, пытаясь не разреветься. У нее всегда были глаза на мокром месте, и это был еще один комплекс. – Стыдно сказать, рискую умереть девственницей. И это в двадцать шесть лет!

– Да ладно тебе переживать. Ты симпатичная... – Гриша почти не соврал. – Подлечишься и – вперед. А прыщики твои и комплексы – это возрастное...

От корявого, но все-таки комплимента Ане расхотелось плакать, но тянуло разъяснить ситуацию до конца.

– Это у меня окончательное. Это у меня мама в беременность облучилась. Они с папой в Курчатовском институте работали. На маме ничего не отразилось, все в плод пошло.

Как-то по-особенному посмотрев на Анну, ей даже показалось, что Григорий что-то вспомнил и сравнил, он пробормотал:

– Ты страшные вещи о себе говоришь.

– Зато честно. – Аня улыбнулась. – А вы в веселом месте, наверное, работаете и живете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.